

Война и мир главврача Емельянова

В посёлке имени Карамзина на кладбище под благородными руинами краснокирпичной церкви, став частью волжского косогора, нашли вечный покой несколько поколений тружеников Карамзинской психиатрической больницы.

Каждое утро лучи багрового восхода дарят им надежду на воскресение.

Под скромным железным советским памятником упокоились супруги-психиатры Емельяновы: Михаил Антипович (27.10.1891–18.05.1959) и Зинаида Александровна (16.07.1886–12.04.1964). Вся их трудовая жизнь связана с Карамзинкой и помощью душевнобольным. С 1933 по 1950 год Михаил Антипович, как мифический титан, держал на своих могучих плечах огромное хозяйство психиатрической больницы.

Родился Михаил Антипович в русской крестьянской семье села Ртищево-Каменка Симбирского уезда Симбирской губернии. Уличная фамилия у Емельяновых была Мелёхины. Мелёха – крестьянское произношение имени Емельян. За некоторыми родственниками этот вариант фамилии закрепился официально. До 11 лет Миша жил в родном селе, учился в школе и помогал отцу заниматься хлебопашеством. По характеру Миша был спокойным и несколько замкнутым ребёнком. От сверстников отличался только крепкой фигурой и интересом к чтению. Но больше всего его выделяла страсть встречать рассвет. Каждое утро он вставал пораньше и обязательно наблюдал восход солнца. Этот ритуал наполнял душу энергией и укреплял тело. В 1902 году Миша, как и многие его односельчане, переехал в только что открытую Карамзинскую колонию душевнобольных Симбирского губернского земства. Поступил в качестве ученика в сапожную мастерскую к своему родственнику. Три года учился и работал за кров и однообразную крестьянскую пищу. В революционном 1905 году Михаил стачал себе первые кожаные сапоги и примерил медицинский халат, с которым не расставался почти полвека, периодически меняя его на форму русского воина.

После окончания срока учения сапожному ремеслу Михаил поднялся на ступеньку выше – стал помощником инструктора по труду с душевнобольными. Крепкий парень ценил

Емельянов Михаил Антипович
у стены своего дома.
Конец 1940-х годов

ся медицинским персоналом, он был одним из немногих сотрудников, кто мог в одиночку справиться с самыми буйными больными. При этом с пациентами он был предельно почтителен, никаких грубостей или оскорблений никогда не допускал. Душевнобольные любили своего «инструктора Мишу».

Интерес к медицине у Миши Емельянова сформировался ещё в детстве, когда он наблюдал за лечебными процедурами сельских знахарок, одна из которых была его родственницей. Больше всего удивляло, что они лечили не столько травами, сколько словом – заговорами, смысл и содержание которых понять невозможно, но люди от этого заметно шли на поправку. Служба в Карамзинской

колонии закрепила желание Михаила стать врачом. Патриарх Карамзинки Василий Александрович Копосов (1851–1922) отмечал любознательного парня и начал собирать документы на отправку его в Симбирскую фельдшерско-акушерскую школу. Призыв на срочную военную службу в октябре 1913 года оборвал эти планы. Новобранец был направлен в 163-й пехотный Ленкоранско-Нашебургский полк, дислоцированный в Симбирске. После двухмесячной подготовки дисциплинированного и грамотного парня определили писарем, а затем произвели в старшие писари. С началом Первой мировой войны рядовой Емельянов вместе с полком отправлен на фронт, где пробыл до апреля 1918 года. С августа 1914 года по апрель 1918 года сражался на территории современной Польши и Западной Украины. Участвовал в Галицийской битве (1914), Брусилловском прорыве (1916) и «наступлении Керенского» (1917). Внёс вклад в организацию выборов членов Учредительного собрания в ноябре 1917 года по 92 участку Румынского фронта. В конце ноября 1917 года рядовой Емельянов за непризнание «самостоятельности Украины» был арестован гайдамаками. Полковые товарищи его быстро освободили. Связываться с матерьюми фронтовиками-ленкоранцами украинским националистам было себе дороже. Позднее Михаил Антипович вспоминал, что в 1917–1918 годах он совершенно не разобрался в происходящих событиях и каких-то конкретных полити-

163-й пехотный Ленкоранско-Нашебургский полк перед отправкой на фронт, Симбирск. 1914

Увольнительный жетон солдата 4-й роты 163-го пехотного Ленкоранско-Нашебургского полка, Симбирск. До 1914 года

ческих взглядов не имел. Был только твёрдо убеждён, что с мясорубкой империалистической войны нужно заканчивать как можно скорее.

В апреле 1918 года, после того, как старая армия окончательно развалилась, Михаил Антипович вернулся в Симбирск. Устроился мастером во 2-ю советскую мастерскую, в которой трудился до прихода в июле каппелевцев. По объявлению белыми мобилизации должен был явиться в каппелевский штаб. Получив повестку, ночью бежал из города в Карамзинскую колонию, которой ни белые, ни красные особенно не интересовались. Восстановился на прежнем рабочем месте. Осенью после освобождения Симбирска Железной дивизией был избран секретарём месткома Карколонии и одновременно членом губотдела правления союза «Медсантруд».

На этой работе оставался до января 1921 года, когда по путёвке Медсантруда был принят на рабфак – Симбирский рабочий факультет, предназначенный для подготовки рабочих и крестьян к поступлению в вуз. В 1924 году 33-летний рабфаковец с отличием завершил обучение.

В начале 1920-х годов Михаил Антипович женился на ученице В.А. Копосова Зинаиде Александровне Ремизовой, в апреле 1924 года родились сыновья-двойняшки Андрей и Владимир.

Осенью 1924 года по путёвке Главпрофобра в качестве госстипендиата был командирован на медицинский факультет Саратовского государственного университе-

та им. Н.Г. Чернышевского. На четвёртом десятке учиться было тяжело, но Михаил Антипович прилагал все возможные усилия и в результате в июле 1929 года заслуженно получил диплом по специальности «врач-психиатр». По распределению 38-летний с проседью «молодой специалист» был назначен заместителем главного врача по лечебной части Саратовской краевой психиатрической больницы и оставался на этой работе до октября 1933 года.

В Карамзинской колонии после смерти Копосова началась «дилекторская сумятица» – частая смена главврачей. К тому времени Михаил Антипович заслужил уважение и авторитет в медицинской среде. В 1933 году его пригласили на должность главного врача Ульяновской психиатрической больницы.

Карамзинка досталась товарищу Емельянову в удручающем состоянии. В больничном комплексе, рассчитанном на 200 койко-мест, находилось около 600 больных: «Теснота страшная. Кровати в отделениях для выздоравливающих мужчин и женщин вынесены в коридоры, причём стоят там и зимой. В то же время три отделения, предназначенные для больных, заняты квартирами служащих... здания не имели капитального ремонта... Канализация, водопровод, системы отопления и освещения пришли в ветхость... 600 больных стеснены в снабжении водой. Имеющийся вблизи колонии родник даёт 15–20 процентов необходимого количества воды, которая идёт на питьё, остальная вода на техниче-

ские надобности подвозится из озера – 5–6 лошадей возят её непрерывно... Больные не имеют ни халатов, ни верхних костюмов, ни обуви. С осени и до весны они обречены на безвыходное сидение в палатах». Мириться с этим Михаил Антипович не собирался и делал всё возможное для исправления ситуации.

В 1930-е годы Михаилу Антиповичу приходилось часто ездить в Москву и Куйбышев «выбивать средства для больницы». В 1938 году в Москве он с «приключениями и боем» добился дефицитных труб для постройки нового водопровода. Привёз их в Ульяновск. На станции Кивдяковка трубы разгрузили, но доставить их в Карколонию не хватило денег. Трубы угрожали «пустить с молотка». И так было во всём: от лекарств и сахара, необходимого для инсулинотерапии, до брёвен на строительство дома служащим больницы. Дело доходило до того, что Михаил Антипович авансом брал свою трёхмесячную зарплату и расплачивался с плотниками, строящими дом для персонала.

В 1920–1930-е годы облздрав и наркомздрав не уделяли психиатрии должного внимания. Михаил Антипович в партийных и исполнительных органах власти смело и твёрдо заявлял, что «психический больной имеет такое же право на внимание, как хирургический или терапевтический». По тем временам такое могло быть приравнено к бунту. Конечно, Михаил Антипович не мог изменить «безразличное отношение ульянов-

ской медицинской общественности к Карколонии».

Деятельность главврача психиатрической больницы нельзя считать лёгкой. Он обязан угождать не только своему вышестоящему начальству, но и персоналу, и, конечно, больным. Да и вся финансовая ответственность тоже на нём. В 1940 году Михаила Антиповича «за нарушение финансовой дисциплины» привлекли к уголовной ответственности и решением народного суда приговорили к 2,5 года лишения свободы. Причиной послужило то, что в Карамзинке была только начальная школа, а детям сотрудников надо было учиться и дальше. Михаил Антипович подрядил одного из конюхов возить карамзинских учителей в городскую школу и забирать их обратно. Это и посчитали нарушением финансовой дисциплины. К счастью, областной суд отменил решение нарсуда.

Главврачу Емельянову приходилось миром разрешать множество конфликтов, возникающих между сотрудниками. В Карколонии из-за дефицита кадров работало много психиатрических больных, некоторые из них устраивались на работу после излечения, а иные, даже находясь в официальном статусе пациентов, числились на различных вспомогательных должностях. Коллектив был специфическим.

Много душевных переживаний принёс конфликт с врачом Яковом Дмитриевичем Бакурским, с которым Михаил Антипович сблизился в Саратове и сагитировал переехать в Карамзинку. По каким-то причинам бывший товарищ и знающий врач Бакурский стал заниматься «склоном, подсиживанием, игнорированием директора и подрывом его авторитета». Михаил Антипович старался идти на уступки и закрывал глаза на поведение коллеги. Конфликт стал достоянием всей больницы, и под влиянием общественности доктор Бакурский был уволен.

Под руководством Михаила Антиповича больница начала выходить из кризиса. Он вёл продуманную кадровую политику, привлёк новых врачей, фельдшеров, медицинских сестёр и обслуживающий персонал. Для сотрудников больницы старался создать максимально комфортные по тем временам условия: предоставлял жильё, старался преми-

Емельянов Михаил Антипович (в середине второго ряда) с коллегами напротив главного корпуса. Начало 1950-х годов

ровать и не надоедал излишним контролем. При нём начали применять новые методы лечения: гипноз, шейную новокаиновую блокаду, инсулиношоковую терапию и маляриотерапию. Смертность больных к 1941 году снизилась в 5 раз.

На рубеже 1939–1940 годов Карамзинка была переориентирована на преимущественную работу с хроническими больными. Из Куйбышева и Пензы стали переводить хроников, где психиатрические больницы начали ориентироваться на лечение «свежезаболевших». На лечение хроников практически не выделялись медикаменты, и в связи с этим в Карамзинке «все лечебные мероприятия ограничивались трудовой терапией: больные в течение всего лета находились на наружных работах, в саду, огороде, парниках, теплице, животноводческой ферме, в поле, и только в зимнее время некоторые из этих работ сокращались, и больные работали в мастерских: мужчины – в корзиночной, столярной, слесарной и по самообслуживанию, а женщины – в пошивочной и рукодельной».

В пойме Волги под Карамзинской горой в районе главного корпуса была поставлена насосная станция, качавшая техническую воду из пойменного озера Шевырина. Были построены пожарная часть, дополнительный ледник и дом для служащих, открыт детский садик.

Восемь лет работы в Карамзинке пронесли в ежедневных трудах и заботах. И вот своей костлявой, перемазанной в крови рукой в нашу страну постучала война. 4 июля 1941 года Михаил Антипович был мобилизован и отправлен на фронт. Через год сыновья Андрей и Владимир с оружием в руках выступили на защиту Советской Родины. Михаилу Антиповичу присвоили звание майора медицинской службы и назначили заместителем начальника по медицинской части госпиталя легкораненых № 5290. Одновременно Михаил Антипович работал врачом-невропатологом и специализировался на лечении последствий контузий. Госпиталь располагался сравнительно недалеко от передовой в зоне артиллерийского и авиационного воздействия противника. Поступали бойцы с ранениями мягких тканей без повреждения внутренних органов, а также контуженные и больные инфекционными заболеваниями. Обеспечивалось лечение с использованием хирургических вмешательств, медикаментозных методов, лечебной физкультуры, физиотерапии и трудотерапии в сочетании с занятиями боевой и политической подготовкой. Раненые в собственной полевой форме размещались по казарменному типу в землянках, шалашах, деревенских избах. Госпиталь побывал в составе нескольких фронтов: Воронежского, Степного, 4-го Украинского и

Емельянов Михаил Антипович (второй справа в первом ряду) и Зинаида Александровна Ремизова (третья слева в первом ряду), на её груди орден Ленина. Вторая половина 1950-х годов

1-го Белорусского. Под руководством Михаила Антиповича выписка после лечения достигала почти 100%. Как отмечало командование, к больным он относился «чутко и внимательно, душевно». Пользовался огромным авторитетом среди личного состава госпиталя и раненых. За четыре года в зоне боевых действий Михаил Антипович получил два ранения и контузию, заслужил ордена Красной Звезды и орден Отечественной войны II степени, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1945 году без принуждений вступил в ВКП(б). На фронте понял, что партия – огромная сила, способная сплотить народ и защитить его интересы.

Демобилизовался Михаил Антипович в мае 1946 года. В качестве «гостинца» из побеждённой Германии привёз роскошный тёмно-синий двухдверный седан «Опель Капитан» и такой же масти мотоцикл BMW с люлькой. Все поездки, в том числе и в город, были на мотоцикле – запчасти к нему было найти легче, и он был всегда на ходу.

Вернувшись в Карамзинку, 55-летний ветеран двух мировых войн не стал отдыхать. Восстановиться на прежней должности было невозможно, главврачом на тот момент был воин-врач Залман Ильич Новиков. В июне 1946 года Михаил Антипович начал служить заведующим отделением, а в августе 1947 года был вновь назначен главным врачом. На

этом посту Михаил Антипович оставался до 1950 года, когда в связи с ухудшением здоровья перешёл на должность заведующего отделением.

Михаил Антипович Емельянов был настоящий русский мужик: высокий, широкоплечий, с руками былинного пахаря. Умные, печальные и всё понимающие глаза украшали его лицо. Сотрудникам он напоминал медведя, ходил с перевалочкой, был «увалистый», как говорили карамзинцы. Всегда опрятный и подтянутый, Емельянов отличался необыкновенным спокойствием и выдержкой, никто и никогда не слышал, чтобы он повышал голос. Говорил мало, чётко и уверенно. В общении с подчинёнными был грубоватый, неуступчивый, но всегда справедливый. К больным относился с теплотой, во время утренних ежедневных обходов ласково говорил со всеми больными, спрашивал кто из них на что жалуется. В буйном отделении с агрессивными больными тихо и спокойно говорил: «Ну что ты кричишь, успокойся». Больные сразу смирели. Был верующим православным человеком, но открыто это не афишировал. В питании по-крестьянски неприхотлив, выделял только чёрный хлеб с мёдом и ядрёный, игольчатый карамзинский квас, который с дореволюционных времён по особому рецепту готовился в больничном пищеблоке.

Зинаида Александровна Ремизова (фамилию мужа она не взяла) – худенькая, маленького роста – по плечу супругу. Одевалась элегантно,

непременным атрибутом её гардероба был белый палантин, оригинально повязанный на голове, напоминавший чалму. В начале 1950-х годов за долгий, добросовестный и отличный труд её наградили орденом Ленина, которым она дорожила и часто надевала.

Михаил Антипович отлично знал все особенности вверенной ему больницы: от водопровода и канализации до поголовья скота в подсобном хозяйстве.

В Карамзинке все были убеждены, что Михаил Антипович может лечить заговорами. Однажды он увидел санитаря, давно страдавшего фурункулами на руке. Взял руку страдальца, поводит по ней своими большими тёплыми пальцами, что-то пошептал и сказал: «Завтра всё пройдет». И действительно, на следующий день следов фурункулов не осталось. Восхищённый санитар неделю показывал всем исцелённую руку. Таким же манером Михаил Антипович лечил карамзинских ребятишек, которые почитали его волшебником.

В Карамзинке семья Емельяновых жила в уютном доме бывшего священника на склоне волжского косогора, в 150 метрах от главного мужского корпуса, в котором размещался кабинет главврача. Дом делили вместе с двумя престарелыми сотрудницами, о которых заботились как о родных.

В старости Михаил Антипович болел, ходил по дому в валенках даже летом. Рано вставал и встречал первые нежные лучи восходящего солнца. Всё свободное время старался проводить с внуками. 18 мая 1959 года Михаил Антипович в последний раз увидел над Волгой рубиновые лучи восходящего солнца. В полдень его не стало. Похоронили главврача Емельянова на Карамзинском кладбище в двухстах метрах от любимого дома.

После смерти мужа Зинаида Александровна заметно постарела, осунулась, глаза уже ничего не искали в этом мире. Каждое утро она шла на кладбище – вместе с Михаилом Антиповичем встречать волжский рассвет. Что-то шептала, рассказывала супругу новости и долго-долго смотрела на разлившееся Куйбышевское море, медленно слизывающее языком времени старую Карамзинку.

Дмитрий Семенов